

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОЙ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИВАНА ИЛЬИНА

Н.Л. Шеховская

д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики НИУ «БелГУ»

Предвидя демократические преобразования в России, философ И.А. Ильин более полувека назад писал о том, что новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь. «Грядущая Россия, – утверждал мыслитель, – будет нуждаться в новом, предметном питании русского духовного характера» [4, с. 178].

Иван Александрович призывал своих современников готовить для новых русских поколений тот материал «выводов и руководящих линий», который поможет им справиться с их претрудной задачей. Не только призывал других, но и сам готовил такой материал.

«Когда мы помышляем о грядущей России, – писал философ, – то мы должны, прежде всего, поставить перед собой основной вопрос: *на чем мы будем строить грядущую Россию – на личности или на обезличивании человека.* Этим определяется и предreshается многое, основное, может быть – *все*» [3, с. 304].

Согласно Ильину, воспитание духовной, нравственно зрелой личности является центральной педагогической задачей: «человек, как природный организм, должен стать *духовной личностью*» [3, с. 310]. Философ был убежден в том, что именно духовное начало дает человеку нечто такое, из-за чего стоит жить, стоит воспитывать себя и других, нести страдания и поднимать бремена. «Здесь есть драгоценность, которую стоит жить и ради которой стоит умереть. Ею осмысливается и жизнь, и страдания, и смерть» [5, с. 112].

Философский анализ приводил И.А. Ильина к утверждению, что духовность всегда конкретна и всегда личностна: если бы человек попытался определить себя как «это тело», «это живое тело», «это одушевленное тело», ни одной из этих характеристик он не смог бы обозначить и постигнуть свое главное естество – дух. «Человек есть личных дух», – афористично и предельно емко констатировал И.А. Ильин. Он советовал «найти начало духовности в самом себе», в той «субъективной» глубине, которая сама спрашивает, испытывает, желает, мыслит, воображает и чувствует. А в этой «субъективной» глубине своей человек есть живой, личный дух» [6, с. 32]. Дух есть самое главное в человеке, неустанно повторял И.А. Ильин, твердо убежденный в том, что дух есть сила личного самоутверждения, живое чувство ответственности, воля к Совершенству – а также к совершенствованию – в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире, дух есть дар очевидности и свободы, сила личного самоуправления, способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению. « В действительности дух есть – все это сразу», – резюмировал мыслитель.

По мнению И.А. Ильина, человек духовен постольку, поскольку он живет не только внешним, чувственно – материальным, но внутренним опытом и

умеет отличать нравящееся, приятное, дающее наслаждение от того, что на самом деле хорошо, объективно прекрасно, истинно, нравственно, художественно справедливо, совершенно, божественно и, различая эти два ряда ценностей, умеет «прилепиться» к совершенному, предпочитать его, наслаждаться его, добиваться его, служить ему, беречь его и в случае надобности умирать за него.

Духовность, определяющая смысл, самую суть человеческого существования, животворна, созидательна; бездуховность, напротив, деструктивна, разрушительна, толкает личность к самоуничтожению. «Человек, искоренивший в себе или растливший в себе духовное, – писал философ, – не воспримет Бога» [2, с. 340].

Личность в человеке погибает по мере того, как убывает его духовность, опустошая душу, как безнравственные, низменные чувства опредмечиваются, объективируются в его поведении и поступках.

«Человек гибнет не только тогда, когда он беднеет, голодает, страдает и умирает, а тогда, когда он слабеет духом и разлагается нравственно и религиозно, – утверждал И.А. Ильин, – не тогда, когда ему трудно жить или невозможно поддерживать свое существование, а тогда, когда он живет униженно и умирает позорно: не тогда, когда он страдает или терпит лишения и беды, а когда он предается злу» [5, с. 78].

Парадигма личной духовности в философской концепции И.А. Ильина органично «втекает» в русло гуманистической традиции русской педагогической мысли, рассматривавшей духовность как доминанту нравственной зрелости личности. И вполне естественным коррелятивным выше приведенному суждению И.А. Ильина выступают размышления К.Д. Ушинского о духовности как смыслообразующей основе личности. Задолго до Ильина он писал: «Окружите человека всеми этими благами (имеются в виду блага цивилизации – Н.Ш.), и вы увидите, что он не только не сделается лучше, но даже не будет счастливее, и что-нибудь одно из двух: или будет тяготиться самой жизнью, или быстро пойдет понижаться до степени животного. Это нравственная аксиома, из которой не вывернуться человеку. Зерно его существа, бессмертный дух его требует иной пищи и, не находя ее, или томится голодом, или покидает человека заживо» [11, с. 21].

В историческом действии, в культурном творчестве личная духовность, по Ильину, проявляется как созидательная, активно гуманизирующая сила, предрасполагающая общество и к толерантности, и к сохранению самобытности. В том, что Россия не знала инквизиционной системы и системы истребления еретиков, философ видел проявление и заслугу личной духовности, которую Православие воспитывало как «свободное дыхание в области веры», т.е. как утверждение веры в лично бессметную и лично ответственную душу.

Философ рассматривал личную духовность как «вечный двигатель» социального, государственного, экономического, культурного строительства, как источник той силы, которая создала мощь России.

Он особо подчеркивал, что личная духовность в России строила семью, воспитывала детей и вынашивала тот глубокий и чуткий совестный акт, который так характерен для русского человека; вынашивала и выносила русское искусство, начиная от православной иконописи и кончая русской музыкой наших дней; создала русскую науку, «нашла себе особое выражение в русской армии», «проявлялась и в местном, сословном и церковном самоуправлении, в культурном (музыкальном, театральном и школьном) организаторстве, в хозяйственном творчестве русского крестьянина, купечества и дворянства» [3, с. 315-316].

В воспитании личной духовности И.А. Ильин видел тот путь, на котором «русскому человеку предстоит сделаться из «особи» – личностью, из соблазненного шатуна – характером, из «тяглеца» и «бунтовщика» – свободным и лояльным гражданином» [3, с. 316].

И.А. Ильин рекомендовал начинать воспитание с пробуждения детской души к национальному духовному опыту, с формирования чувства собственного духовного достоинства, без чего, по мнению философа, нет духовной личности. Личная духовность, подчеркивал он, придает человеку «индивидуальную творчески свободную форму» [3, с. 309]. И.А. Ильин так раскрывал диалектику воспитания личной духовности: «Человек с детства воспринимает в душу поток чужого воспитывающего волеизъявления; уже тогда, когда сила очевидности еще не пробудилась в его душе и сила любви еще не одухотворилась в нем для самовоспитания, в душу его как бы вливалась воля других людей, направленная на определение, оформление и укрепление его воли; еще будучи в состоянии строить себя самостоятельно, он строил себя авторитетным, налагавшимся на него изволением других – родителей, церкви, учителей, государственной власти – научась верному, твердому воленаправлению» [5, с. 62]. Воздействие внешнего источника, считал философ, всегда было и всегда будет одним из самых могучих средств человеческого воспитания; и это средство действует тем сильнее, чем авторитетнее этот другой, чем определеннее и непреклоннее его изволение. В этом процессе начинается и совершается становление духовности личности, но наиболее плодотворно оно продолжается, не будучи никогда завершенным, в самовоспитании, в самоустремленности личности к совершенству.

И опять – как ментальная традиция русской философско-педагогической мысли, о которой мы говорили выше, – обнаруживается близость воспитательных концепций И.А. Ильина и К.Д. Ушинского.

К.Д. Ушинский не мыслил развитие личности воспитанника иначе, как под воздействием личности воспитателя. И это воздействие оказывается тем сильнее, чем выше духовность личности воспитателя, чем больше жизненно активная сила его убеждений. Внешнее воздействие, о котором писал И.А. Ильин, есть прежде всего воспитательное воздействие личности, а авторитетность и непреклонность ее «изволения» детерминируется ни чем иным, как убеждением личности.

«Только в личном влиянии воспитателя на воспитанника, – писал К.Д. Ушинский, – и только в нем одном, скрывается источник силы

первоначального воспитания», «дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно под прямым влиянием человеческой личности... Это плодотворный луч солнца для молодой души, которого ничем заменить невозможно» [12, с. 92, 94]. Главнейшей дорогой воспитания считал педагог убеждение, теоретически и практически был уверен в том, что на убеждение можно только действовать убеждением.

На первый взгляд, случайной, но при углубленном рассмотрении закономерной, обусловленной общностью христианско-гуманистического мировоззрения предстает близость И.А. Ильина и К.Д. Ушинского в выборе средств, учебных предметов и других «материалов» для воспитания духовно-нравственной личности.

Было бы педагогической нелепостью предполагать, что духовность обретается личностью благодаря преподаванию одного – двух специальных, учебных предметов. Духовность только тогда становится имманентной личности, когда ею проникнут весь учебно-воспитательный процесс, когда каждый предмет по-своему, с присущей ему спецификой реализует задачу духовно-нравственного воспитания.

«Образование без воспитания, – писал И.А. Ильин, – не формирует человека, а разнуздывает и портит его...формальная «образованность» вне веры, чести и совести (вне духовности – Н.Ш.) создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [4, с. 178-179].

И.А. Ильина и К.Д. Ушинского тесно связывает идея национальности духовного воспитания личности. И.А. Ильин видел его таким, чтобы все прекрасные предметы, впервые пробуждающие дух ребенка, были национальными, у нас в России – национально русскими: «чтобы дети молились и думали русскими словами; чтобы они почуяли в себе кровь и дух своих русских предков и приняли бы любовью и волею – всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа...» [1, с. 202]. К.Д. Ушинский предлагал сделать в русской школе главными предметами русский язык, русскую географию, русскую историю, возле которых группировалось бы все остальное.

В воспитании личной духовности, согласно Ильину и Ушинскому, особенно ценно и важно использовать образы народных героев, полководцев, исторических деятелей. Они пробудят в воспитаннике, по мнению Ильина, волю к доблести, великодушие, жажду подвига, а «русскость героя – даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа». «Национальный герой, заметил философ, ведет свой народ даже из-за гроба» [1, с. 205]. К. Д. Ушинский, критикуя недостатки преподавания в гимназиях истории, сетовал на то, что учащиеся только после изучения биографий выдающихся лиц Древней Греции и Европы узнают о Петре I, что они не видят различия между Иваном III и Иваном IV, и в преподавании отечественной истории на фактическом материале жизнедеятельности ее творцов находил верный путь сделать русские школы по-настоящему русскими.

Воспитание личной духовности в ходе преподавания истории исключает нигилизм в оценках прошлого и настоящего, национальное самоуничтожение и самобичевание, равно как и ложное возвеличивание достоинств, болезненно

гипертрофированное национальное самолюбование. Объективность и честность, правдивость и самокритичность, согласно Ильину и Ушинскому, должны формироваться при воспитании историей как атрибутивные качества личной духовности.

«Преподаватель истории, – писал И.А. Ильин, – не должен скрывать от ученика слабых сторон национального характера, но в то же время он должен указывать ему все источники национальной силы и славы. Тон скрытого сарказма по отношению к своему народу и его истории должен быть исключен из преподавания. История учит *духовному преемству* и сыновней верности: а историк, становясь между прошедшим и будущим своего народа, должен сам видеть его судьбу, разуместь его путь, любить его и верить в его призвание. Тогда только он сможет стать истинным национальным воспитателем» [1, с. 206-207].

Любить Родину не только в минуты ее торжества, побед и благоденствия, но и в часы исторического ненастья, бед и унижений, любить не только ее прекрасный образ, но и видеть недостатки, ошибки и поражения требовал К.Д. Ушинский от всякого, кто претендует на роль воспитателя молодежи историей. Он был неукротим во гневе против тех, кто силится показать, что «в истории нашей все достойно насмешки и презрения», «доказывает с увлекательным жаром, что ни в нашем прошедшем, ни в нашем настоящем нет ничего такого, на чем могла бы остановиться юная душа с любовью и уважением» [8, с. 58]. Это не значит, утверждал педагог, воспитывать душу, а скорее разрушать ее, это не образование, а дикость, вандализм. «Это поистине вандализм, все разрушающее, ничего не сберегающее и ничего не созидующее направление, – писал К.Д. Ушинский, – нередко принимается у нас многими за признак высшего европейского образования, тогда как в целой Европе нет ни одного самого мелкого народца, который бы не гордился своей национальностью» [8, с. 53-54].

В то же время, был убежден К.Д. Ушинский, в трезвой, здоровой, говоря современным языком, – конструктивной критике гораздо больше патриотизма, чем в целом сонме од и медоточивых восхвалений. Помня о том, что даже такую критику порой принимают за ненависть, К.Д. Ушинский восклицал: «Есть примеры ненависти к родине, но сколько любви бывает иногда в этой ненависти!» [7, с. 253].

И Ильин, и Ушинский отстаивали необходимость воспитания личной духовности на сокровенной духовности родного языка, на богатейшем материале поэзии, музыки, песен, сказок, преданий.

Ментально и сенсорно близкими оказываются при сравнительном анализе суждения И.А. Ильина и К.Д. Ушинского об этих духовно-воспитательных средствах взаимодействия на личность.

Вывод И.А. Ильина о том, что «язык вмещает в себя таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа» [1, с. 201], в ретроспективе педагогической традиции вполне коррелятивен убеждению К.Д. Ушинского, что, усваивая язык, ребенок «пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова»

[9, с. 111], что «слово есть плоть духа» [9, с. 112]. «Слово есть единственная сфера развития духа», – писал великий педагог, – и «на обладании этой сферой должно строиться всякое учение и развитие» [10, с. 171].

Полагая, что мир можно изменить из детской, И.А. Ильин доказывал, что «ребенок должен слышать русскую песню еще в колыбели», потому что «пение несет ему первый душевный вздох и первый духовный стон» [1, с. 203]; что «как только ребенок начнет говорить и читать, так классические национальные поэты должны дать ему *первую радость стиха* и постепенно раскрыть ему все свои сокровища...» [1, с. 205]. Воспитательная сила поэзии, по мнению Ильина, умножается синтезом в ней философии и музыки. «Русский народ, – писал он, – имеет единственную в своем роде поэзию, где мудрость облекается в прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой...» [Там же].

«Наши прекрасные русские песни и наши дивные славянские мотивы, которыми так дорожил Бетховен» [8, с. 46], К.Д. Ушинский считал животворным источником русской духовности, который никогда не должен иссякнуть.

Национальное воспитание, утверждал И.А. Ильин, неполно без национальной сказки, которая учит ребенка мужеству и верности, дает первое чувство героического, будит и пленяет мечту.

Начав с вывода И.А. Ильина о том, что личная духовность строила Россию, считаем вполне логичным завершить наш довольно краткий анализ оптимистическим предупреждением философа, что только воспитание личной духовности поможет России избежать повторения прошлых ошибок, удержит от новых.

«Воспитанием русского человека к духовности и свободе, – писал И.А. Ильин, – воспитанием в нем личности, самостоятельного характера и достоинства можно преодолеть и все тягостное наследие тоталитарного строя и все опасности «национал – большевизма» [3, с. 217].

Литература

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. – М.: Русская книга, 1996.
2. Ильин И.А. Кризис безбожия // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. – М.: Русская книга, 1996.
3. Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1993.
4. Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. – М.: Русская книга, 1993.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996.
6. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта // М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
7. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1988.
8. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1988.
9. Ушинский К.Д. Родное слово // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1988.
10. Ушинский К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1988.

11. Ушинский К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1988.

12. Ушинский К.Д. Проект учительской семинарии // Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1988.

БИБЛЕЙСКИЙ ИСТОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГРЕКО-РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Протоиерей Юлиан Гоголюк

кандидат богословия, настоятель храма Архангела Гавриила

Древняя история восточного Средиземноморья выявила такую мыслительную возможность, которая резко контрастирует с эллинским умонастроением. Эта возможность воплощена в библейской традиции мистического историзма.

Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», то есть упорядоченная пространственная структура, то мир Библии – это «олам». Его значение не совпадает с греческим, что связано с различным пониманием устройства мироздания. «Олам» – это полнота времени, содержащая в себе все вещи и события, или мир как история. Внутри античного «космоса» даже время выражено с помощью пространства. В самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство *необратимости* и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство *симметрии*. Внутри «олама» наоборот, пространство выражено с помощью динамики времени – как «вместилище» необратимых событий.

Исходное значение слова «олам» – «сокрытое», «завершенное». Отсюда – «древность» – изначальное время, время позади человека и «будущее» – время впереди человека. Это слово может означать «вечность». Но эта «вечность» не находится за пределами времени, она есть полнота времен. «Точнее это не вечность, а «мировое время», которое движется и может смениться другим «оламом», другим состоянием времени и вещей в нем»¹. Талмуд говорит об эсхатологическом «olamhaba», что можно перевести как «будущий век» или «будущий мир», что созвучно христианскому Символу веры: «...и жизни будущего века».

Сравним царя на греческом Олимпе и царя на библейских небесах. Греческий бог Зевс – это «Олимпийец», то есть существо, характеризующееся своим местом в мировом пространстве. Библейский бог Яхве – это «Сотворивший небо и землю». С Него началась история, и через это – Он господин истории, господин времени. Зевс – господин настоящего: прошлое принадлежало Урану и Крону, будущее – неизвестному сопернику, который в

¹Аверинцев С. Поэтика ранне-византийской литературы. – СПб.: Азбука-Классика, 2004. – С. 269.